

ЖИВАЯ ХРОНИКА

«Красная газета» Век. вып. 10/к 322.

Колоссальный лагерь лежит на деревянных мостах и отбывается звоном своих хрусталиков. Вот-вот ее начнут поднимать на стальных тросах, толстыми жгутами свисающих с потолка.

Партер завален досками и бревнами, в ложах, фойе и коридорах гуляет

кисть маляра и стучит молоток плотника, а на сцене уже стоят декорации 1 акта «Горе ума». Ремонт и репетиции идут одновременно.

В горячке предвечерней работы не найти в Александрии ни свободного от работы человека, ни угла, где бы можно было спланировать. Но в комнатку механика, окно которой смотрит на улицу Росси, а дверь ведет прямо на сцену, нет-нет и забежит кто-нибудь из людей, которых никогда не видит зритель, незаметных тружеников сцены, живых носителей ее хроники.

— Без а рутной «гром» на извозчике и никак не мог пробраться на Кировую. Жандармы и казаки не пускают через Невский. Было это 9 января 1905 года, утром у нас шел «Недоросль», а вечером ставили «Горячее сердце». Как сейчас, помню Медведева, Васильева и Барламова. Начал он мерить путь от дома до забора, считает «раз», «два», «три» и при слове «три» в зале раздаётся громкий голос: «Товарищи! Площадь залита кровью! Будем протестовать. Разве можно в такие минуты смеяться?»

Оратор успел скрыться, а спектакль был сорван, бросает на ходу Василий Алексеевич.



т. Миронов

Миронов, между приказаниями, отдаваемыми монтерам.

В пыли старых декораций, среди газонных горелок, деревянных валов и пеньковых канатов, начал он свою работу. 15 июня 1889 года. 17 лет столяром, 10 лет старшим плотником, 16 лет помощником машиниста-механика сцены — такая жизнь в одном театре! И почти вся одной пьесы не видел так, как видит их обычный посетитель.

В «Фаусте» беспокоила вода, которая разношерстными струями должна быть в трех концах стола именно в ту секунду, когда Мефистофель требует вина.

Море одного из актов «Вальс-симфония» должно бушевать в положении ему импровизация. А для этого надо, чтобы ряд досок на специальных кулаках двигался ритмично, чтобы холст, расписанный эпидемиологом, лежал свободными, крапивоными складками.

Хорошо еще, что в драме «Ипполит» — лет 35 тому назад она шла — эпизод и последнюю реплику актрисы, — смелость актера умышленно шли прикритых век Василий Алексеевич и терпел серебряный клинчатый своим бороздам. Сажу в трубу и жду «попости» — надо проваливать богию и пропозитию. Поможет наверху потеря ценная парит по полу и сгинула не длет. Как быть? Выждал секунду десять и на этой страх и риск «провалил» ее «под землю».

Василий Дмитриевич Щеголев смотрит на нас, как бы через рампу, фонари и софиты. У него медлительные движения, библейская борода, глубокие морщины на высоком лбу. И слову Ной в пещеру и кепке — дань времени — ведет он ковчег Александрийцев через всплы света, потоки прожекторов, театральные катастрофы и варывов.

Сейчас Василий Дмитриевич заведет



т. Щеголев

ламп освещением, а начал с рабочего мажорной театральной электростанции еще в 1887 году. Прошли через его руки батареи Бунзена, от 50 банок отапливались любые пожары, а запомнились больше всего не эффекты, воспевающие зрителя, а волнение работников сцены, создающих эти эффекты.

— Идет бровневоз! В темноте надны огни его паровоза, нарастает галлох, тревожный шум, нарастает напряжение зала, ждущего «раздавит китайца или не раздавит»? А слышите все переживания мы. Ведь не забудете, в темноте движется всего лишь на-всего коробочка, изображающая паровоз. Ну, вдруг порвется, какая-нибудь нитка, вдруг погаснут лампочки или еще какой-нибудь пустяк запенится за цуствия. Ведь это сорвет пьесу. Убьет впечатление, провалит весь коллектив труппы.

Щеголев вспоминает еще о Гатчине, о тяжелых парадных спектаклях, во время которых даже в уборную его провожал конвойный солдат, о публике старых времен, но, пожалуй, большею праву говорить о зрителе имеет Михаил Данилович Сподарь — гардеробщик, а потом контролер театра, начавший в нем работу с 1903 года.

Старое—старое, давно умершее и стившее, наполняет зал черными сутуками и мрамором зористичков, тусклым блеском мундиров и лысин. Сурьезные корсеты дам, неуют с похмелья гостиниодворцы, спектакль подходит к концу и вот-вот публика хлынет в вешалкам. В шинелях, ретондах, в ли-сских и хорьских шубах.

Вот молодой хлыст небрежно указывает на пальто (номерка не ваял, тогда это было в обычае), одевает его и уходит. Он сын действительного статского советника и... вор. Пальто было чужое, на другой день оно уже оказалось в ломбарде.

Но и владелица пропавшей вещи — солидный чиновник — не маленький жулик. 1500 рублей выдала ему гардеробщик за «пальто с бобрами», оказавшуюся впоследствии обыкновенным драповым пальто на вате.

Двадцать случаев крупного воровства за сезон! Бриллиантовая булавка, вынутая из холувором в smoking, сидевшем во 2-м ряду партера, или что-нибудь в этом роде. Мелкий крах и выведенных лавала купчиков — дебоширов — не припомнить.

27 февраля 1917 года шел «Маскарад». Когда работаешь на сцене — выстрелом не слышишь. 28 февраля спектакля не было и по черным проходам оставшегося без освещения театра бродили люди: Щеголев, Миронов, Оксари... Охраняли театр в февральские дни. О помощи красногвардейцев спасали бесценный его гардероб в послеполночные тревожные моменты.

Эти работники театра отдали — столетнему юбилею — 108 лет своей жизни.

Слишком молодо работают эти люди еще и сейчас. Не больше десятка минут сумели вырвать они из своего обремененного перерыва для беседы. Первый скрылся в люке Миронов, следом за ним полез куда-то под крышу, на молосники Щеголев, только один Сподарь взялся вывести нас из театрального лабиринта. В этот момент на талая стали поднимать к потолку сгоревшую люстру, а со сцены раздалась первая реплика Лизы:

«Светает! Ах, как скоро ночь минула! Вчера просилась спать — отказ; Ждем друга — нужен глаз да глаз! Не спи, покуда не скатишься со стула...»

БОННО



т. Сподарь